

Александр Владимирович Лаврентьев

Матвей и Андрей Фрязины – первые итальянцы в Москве*

Первая встреча двух культур, русской и итальянской, состоялась, что хорошо известно, во второй половине XV – первой трети XVI вв. (Зонова 2000: 13-53). Итальянцы – “фрязины” приглашаются великими князьями Иваном III и Василием III для работ в Москве и других городах России (Подъяпольский 1986: 86, прим. 27; Подъяпольский 1991: 221-231; Подъяпольский 2000: 25-52; Подъяпольский 2003: 30-41). Русские летописи сохранили около двадцати имен зодчих, инженеров, литейщиков, денежных мастеров, сведения о которых постоянно уточняются (Kivimäe 1996: 22-28), и список этот явно неполный (Мельник 2007: 155-158).

Среди “московских фрязинов” XV в., в подавляющем большинстве носителей художественных и технических профессий, известен единственный купец – поставщик дорогих товаров к великокняжескому двору¹. Но первые русско-итальянские контакты лежали именно в сфере коммерции и имели место столетием ранее. Между 1363 и 1389 гг. великий князь Дмитрий Иванович Донской “пожаловал” особой грамотой некоего Андрея Фрязина “Печерою”. Таким образом, старейшее документальное свидетельство присутствия итальянцев в Москве относится к XIV в.

Приведем грамоту полностью, благо она невелика:

Се ѡз княз(ь) великии Дмитриеи Иванович(ь) пожаловал есмь Сндря Фрязина Печерою, как был(о) за его дадею за Матфѣем за Фразиномъ; а въ Перми емет подводы; так был(о) и досель. А вы, печеране, слушайте его и чтите, а ѡн вас блюдет, а ходит по пошлинѣ, как было при моем дѣдѣ при князи при великом при Иванѣ, и при моем дѣдѣ при князи при великом при Семенѣ и при моем ѡтци при князи при великом при Иванѣ, так и при мне (АСЭИ III: 16)².

* Работа выполнена в рамках проекта № 23-28-01491, поддержанного Российским научным фондом.

¹ Некий Демьян Фрязин “ходил” вместе с “торговыми людьми” Новгорода Великого “за море”, откуда вывез в Москву для великого князя Ивана III ковер и жемчуг (Соловьев 1989: 362, прим. 292).

² Оригинал не сохранился. Грамота известна по копии 2-й пол. XV в. в составе сборника документов по истории московско – новгородских отношений (Янин 1982: 189).

Надо сказать, что и грамота, и сам факт присутствия “фрязинов” в Москве уже в XIV в. тайной не были (Тихомиров 1947: 140-141; Тихомиров 1957: 130, 211; Матасова 2012: 355), но исследовательского интереса до сих пор не удостоились.

Попробуем восполнить этот пробел.

Еще в начале XIX в. на документ обратил внимание и целиком опубликовал его в примечаниях к *Истории государства Российского* Н.М. Карамзин (1993: 270, прим. 134), и он же первым высказался касательно содержания грамоты и “грамотчика”³. “Историограф” счел “фрязинов” “Таврическими [крымскими. А.Л.] или Азовскими Генуэзцами”, “посредниками между Италией и нашим Севером” (Карамзин 1993: 234, прим. 61), а Андрея Фрязина полагал “Наместником Печерянам” (Карамзин 1993: 69), т.е. главой великокняжеской администрации на Печере.

Первая публикация грамоты и мнение ‘историографа’ о ее содержании, к сожалению, остались незамеченными. После Н.М. Карамзина документ был издан еще трижды, никаких комментариев не получив (ААЭ I: 3; ГВНП: 143-144; АСЭИ III: 16). Что же до места Андрея и Матвея Фрязинов в московском социуме, то этот вопрос нашел в историографии единственного заинтересованного исследователя. На нем подробно остановился, спустя столетие с лишним после Н.М. Карамзина, известный специалист в области торговых связей Руси с Крымом и Причерноморьем В.Е. Сыроечковский. Историк счел “фрязинов” “стоящими на грани военно-служилой и торговой среды”, а “пожалование” их Печерой – передачей ее в феодальное “держание” в качестве платы за великокняжескую “службу” (Сыроечковский 1935: 27). Не зная о комментариях Н.М. Карамзина, В.Е. Сыроечковский по сути солидаризовался с его мнением о статусе итальянцев как наместников великого князя на Печере.

Наместники, назначаемые из Москвы административные чины, получали управляемую ими территорию в “кормление”, т.е. пользовались правом сбора в свою пользу части доходов с местного населения (отсюда известный русским источникам синоним наместничьего чина, “кормленщик”). Определяя отношение “фрязинов” к Печере, ни Н.М. Карамзин, ни В.Е. Сыроечковский не употребили слов “кормление” и “кормленщик”, хотя они как будто бы вполне уместны при таком понимании содержания документа, и грамоту великого князя Дмитрия Ивановича Андрею Фрязину в таком случае надо относить к категории т.н. кормленных грамот⁴.

После Н.М. Карамзина документ издавался, повторялся, еще трижды, но если вторая публикация называет его просто “грамотой [...] о пожаловании Андрея Фрязина Печерою” (ААЭ I: 3), то третья и четвертая сопровождаются характеристикой и документа, и “грамотчика”: “фрязин” прямо назван в них великокняжеским наместником – “кормленщиком”, а документ определяется как “грамота Андрею

³ В языке русской деловой письменности так именовали получателей грамот (СРЯ IV: 121).

⁴ Грамоты кормленные – документы, “представляющие наместнику [...] определенную местность в кормление” (Будовниц 1969: 53).

Фрязину о пожаловании его Печерою в кормление”⁵ и как “жалованная кормленная грамота [...] Андрею Фрязину о пожаловании его Печерою в кормление” (ГВНП: 143; АСЭИ III: 16)⁶.

Как видим, публикаторы уверенно отнесли грамоту к кормленным, и Печера, в таком случае, досталась Андрею Фрязину в “кормление” как великокняжескому “слуге”⁷.

Известно, однако, что институт наместников – “кормленщиков” появился на Руси много позже дачи великим князем Дмитрием Донским грамоты Андрею Фрязину, около середины XV в. (Пашкова 2000: 25-26). Вновь обнаруженные и опубликованные кормленные грамоты несколько раздвигают хронологические рамки бытования практики передачи территорий в “кормление” – до середины 40-х гг. XV в. (Козляков 2001: 13-18), что по сути дела не меняет.

Если грамота Андрею Фрязину на самом деле кормленная, то в таком случае надо признать, во-первых, что “кормленщики” на Руси существовали уже во времена Дмитрия Донского и что, во-вторых, ими могли быть иностранцы, причем иноверцы и плебеи.

Б.Н. Флоря, посвятивший специальную работу кормленным грамотам, отметил очень важную их черту: “кормленщику” жаловались, как правило, населенные и хозяйственно освоенные территории, относившиеся к дворцовому ведомству (Флоря 1970: 110). Печера, в таком случае, между 1363 и 1389 гг. должна была быть не только обжитым краем, но и входить в состав владений либо Москвы, либо Великого княжества Владимирского, которыми управлял великий князь Дмитрий Иванович. Но ни то, ни другое не так (об этом ниже).

В любом случае, грамота Андрею Фрязину на Печеру в перечень кормленных грамот, составленный Б.Н. Флорей, не включена (Флоря 1970: 125-126), вопреки, заметим, характеристикам, данным ей ранее публикаторами документа.

Противоположного мнения о “кормленном” характере великокняжеской грамоты Андрею Фрязину придерживается А.В. Антонов, открывший ею собственный список этой группы документов русского средневековья (Антонов 1998: 92, 130). При этом сам же исследователь отмечает, что в грамоте, во-первых, отсутствует ключевая характеристика юридического действия, формула о передаче “грамотчику” территории в “кормление” и, во-вторых, в документе содержится один пункт, отсутствующий во всех известных ныне кормленных грамотах, “пожалование” Андрея Фрязина транспортными средствами до Печеры за счет великого князя, “а в Перми емлет подводы, как было и доселе” (Антонов 1998: 102).

⁵ Здесь и далее жирный текст мой. А.А.

⁶ В именном указателе к последней публикации Андрей и Матвей Фрязины также определены как “печерские наместники, кормленщики при великом князе Дмитрие Ивановиче Донском” (АСЭИ III: 573).

⁷ Ср.: “Кормленщики были органами княжеской власти и ратными слугами князей [...] эти стороны кормлений были нераздельны [...]” (Веселовский 1947: 265).

Действительно, в грамотах великокняжеским наместникам обеспечение “кормленщика” транспортом до места службы за счет казны никогда не фигурирует, однако казенные подводы “грамотчикам” упоминаются в документах иного рода, грамотах на промысловую деятельность великокняжеским “ватагам” (о них ниже).

Печера, пожалованная Андрею Фрязину – приполярное побережье Баренцева моря, именовавшегося на Руси в средневековье Печерским по названию впадающей в него реки Печора⁸. Печорская низменность представляет собой обширное равнинное пространство, простирающееся вдоль ее течения до устья, включающее в себя тундру на севере и леса таежного типа в южной части (Мурыгин 1992: 3, 13).

Исторически владение Новгорода Великого (Платонов 1994: 336), Печера входила в качестве самой северной части в новгородский Двинской край с центром в Холмогорах. Двина оставалась новгородской, за исключением короткого периода в конце XIV в., о котором ниже, вплоть до ликвидации при великом князе Иване III новгородской самостоятельности и включения земель “Господина Великого Новгорода” в состав владений Москвы, и ранее московских чинов в этих землях не было (Янин 1982: 191).

А.В. Антонов полагает грамоту Антону Фрязину пожалованием “на города и волости в Печерской земле” (Антонов 1998: 92), что было бы логично, будь Печера данной в “кормление” Андрею Фрязину. Но когда великий князь “пожаловал” ею “грамотчика”, московской Печера не была и, главное, ни городов, ни волостей здесь тогда просто не существовало. Только с концом новгородской самостоятельности здесь появляются первые, крайне немногочисленные русские поселения (Машук *и др.* 2016: 134), самое известное из которых – Пустозерский острог в 70 км. от впадения реки Печоры в Белое море, в XVII в. место заключения и казни знаменитого писателя и вождя раннего старообрядчества протопопа Аввакума Петрова. При этом даже в начале XIX в. берега реки оставались практически незаселенными, Печора “течение свое имеет верст на 1000 пустыми местами и селений по ней не имеется” (Щекатов 1805: 1143).

Как выглядит, согласно грамоте великого князя Дмитрия Ивановича, хронология присутствия итальянцев в Москве и на Русском Севере?

Андрей Фрязин был пожалован Печерой не первым, а, так сказать, наследственно, “как был(о) за его дадею за Матфѣем за Фразиномъ [...] при моем дѣдѣ при кн(я)зи при великом при Иванѣ”.

⁸ Подчеркивая могущество державшего между 1325 и 1327 гг. великое княжение тверского князя Александра Михайловича, летописец сообщает, что он “владѣюще землею Русскою, Володимеромъ, и Великимъ Новымъгородомъ, и всею страню до моря Варяжского, и паки Новымъградомъ Нижнимъ и до предель Измаилтескихъ, и вѣсточными странами обоеипль Устюга до рѣкъ Угорскихъ, даже и до моря Печерскаго” (ПСРА XV: 465). “Печерским” “обширное море, называемое, как и прилегающие горы, по реке Печоре” именуется у Сигизмунда Герберштейн (Герберштейн 1998: 201). Ныне название Печорского моря носит только акватория юго-восточной части Баренцева моря (Павлидис *и др.* 2007: 927-939).

Иван Данилович Калита, дед Дмитрия Донского, получил великое княжение в 1328 г., но не целиком, а половину: ордынский хан Узбек поделил великокняжеский домен между московским сувереном и суздальским князем Александром Васильевичем, и по этому разделу последнему отошел Владимир, а Калите достался Новгород. Только в 1331 г., после кончины суздальского “соправителя” по великому княжению, оно целиком перешло Калите (Горский 2000: 60–61).

Как видим, к пожалованию Матвея Фрязина Печерой у деда Дмитрия Донского, по-видимому, не было никаких препятствий уже в 1328 г. и совершенно определенно после 1331 г. Так что возможные крайние хронологические границы “московской биографий” дяди и племянника охватывают почти шесть десятилетий.

Несколько слов в связи с не заселенностью Печеры в XIV в., о “печерянах”, которые по грамоте должны были “слушать” и “читать” Андрея Фрязина. Речь в документе идет, несомненно, о “печере”, кочевом языческом населении приполярной тундры, известном еще *Повести временных лет* (ПСРА I: 4, 11) и обитавшем здесь и в XIV в.: “печера” включена в перечень “имен” “иноязычником”, приведенный в *Житии преп. Стефана Пермского* (БЛДР XII: 154).

Так что “печеряне” грамоты великого князя Дмитрия Донского Антону Фрязину – не оседлое местное русское население, а либо кочевые коми-зыряне, либо ненцы и энцы (Петрухин и др. 1998: 317, 324). “Послушание” и “почтение” итальянцам северных кочевников, очевидно, означало повеление великого князя не чинить Матвеем и Андреем Фрязинам препятствий в их деятельности на Печере. Каков был ее характер, коль скоро они не относились к числу великокняжеских наместников – “кормленщиков”?

В.Е. Сыроечковский полагал итальянцев, как помним, великокняжескими администраторами, а способом их “кормления” “феодалную промысловую эксплуатацию” Печеры как “исключительной по своему значению области северных промыслов”; “феодалное держание этого края [заметил исследователь. А.Л.] дававшего наиболее ценные товары московского вывоза, говорит, несомненно, о связи с торговлею, в той или иной форме, вступивших на московскую службу ‘фряз’ (Сыроечковский 1935: 27).

Это несколько туманное выражение надо понимать так, что Андрей и Матвей Фрязины были причастны к международной торговле (“московский вывоз”), хотя исследователь не уточняет, о каких “ценных товарах” могла идти речь. Но это вполне возможно сделать, исходя из тех природных богатств, которыми располагал этот дальний уголок Руси.

Суровый в климатическом отношении и пустынный край, новгородская Печера, тем не менее, с конца XIII в. привлекала внимание великих князей, и Новгород, сохранявший над ней еще два столетия свою юрисдикцию, “уступал эксплуатацию этого края низовым князьям” (Платонов 1994: 26).

Что было собственно объектами “эксплуатации”, известно из документов сношений Новгорода с великими князьями: добыча на морском побережье моржовой кости – “рыбьего зуба” и ловля охотничьих птиц, соколов и кречетов, чем занимались

“вахтовым методом” великокняжеские промысловые артели – “ватаги” (Жочин 1937: 41), приезжавшие на Печеру во время короткого полярного лета.

Самый ранний документ с упоминанием Печеры, указная грамота великого князя Андрея Александровича “на Двину” местной новгородской администрации (1294-1303 гг.) регистрирует право “ходить трем ватагам моим на море”. Во главе великокняжеской “ватаги” стоят “ватамман” с сыном, и последнему документ вменяет отдельную обязанность – идти “с мора с потками с данными по данничу пути” (АСЭИ III: 15). “Потки” – охотничьи птицы (СЛРЯ XIX: 6), попутно собираемые промысловой артелью в качестве великокняжеской дани с “печерян”. И население новгородских погостов, которыми “ватаги” следуют “на море”, должно обеспечивать великокняжеских промысловых людей подводами.

Аналогичного содержания грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты двинскому посаднику (1328-1340 гг.) информирует новгородского администратора в Холмогорах о посылке великим князем на “Печерскую сторону” некоего Михаила, “а ходить на море” “въ ватазе” “въ дватцати ч(е)л(о)в(е)къ” (АСЭИ III: 16).

Цель поездок “на море” великокняжеских промысловых артелей подробно описывает барон Сигизмунд Герберштейн: “Вблизи устья Печоры [...] в океане водятся [...] некое животное величиной с быка, называемое тамошними жителями ‘морж’ [...] Это животное [...] покидает океан и стадами выбирается на скалы [...]. Охотники добывают этих животных только из-за клыков [...] эти клыки продаются на вес и называются рыбьим зубом” (Герберштейн 1988: 204).

Что же до ловчих птиц, то о Русском Севере как месте, где они водятся в изобилии, в Италии было хорошо известно еще со времен Марко Поло (Еманов 1995: 28-29; Еманов 2018: 66-67). О масштабах их отлова можно судить по известию Афанасия Никитина о том, что в 1471 г. великокняжеский посол к персидскому шаху Василий Папин в качестве дара “ѡхаль с кречаты от великаго князя Ивана [Ивана III, А.Л.], а кречатов у него девяносто” (Лурье и др. 1986: 5).

Добычу на Печере ловчих птиц в великое княжение Калиты осуществляли уже не “печеряне”, как несколькими десятилетиями ранее, а московские профессионалы, великокняжеские сокольники.

В 1338-1340 гг. великий князь Иван Данилович “пожаловал соколников печерских, хто ходит на Печеру, Жилу съ други”, всего двадцать человек, особой жалованной грамотой. “Грамотчики” освобождаются от всех видов налогов и “хто [...] через мою грамоту что у них возмет, и яз [...] кажню, занеж(е) ми люди тѣ надобны”. Для “соблюдения” московских соколников к ним на время поездки на Печеру прикомандировывается некий Меркурий, великокняжеский администратор, снабженный для подтверждения полномочий отдельной грамотой (АСЭИ III: 15-16).

Моржовая кость и охотничьи птицы – ценнейший и дорогостоящий товар, но владевший Печерой Новгород не был монополистом не только в деле их добычи, но и международной торговли. Хотя археологические работы в Новгороде показали наличие среди городских ремесел обработки моржовой кости (Смирнова 1996: 70-77),

но в числе новгородских экспортных товаров XIV–XV вв. “рыбий зуб” в документах не значится (Хорошкевич 1963: 45, 159), равно как и ловчие птицы⁹, хотя соколиная охота в Новгороде вполне существовала (Федоров *и др.* 2011: 199–205, 208). Возможно, право их вывоза за границу (А.Г. Еманов назвал моржовую кость и ловчих птиц “редкими статьями экспорта” и “экзотическими товарами Севера” [Еманов 1990: 40; Еманов 2018: 66–68]) принадлежало монопольно великим князьям и, по согласованию с ними, со времени великого княжения Ивана Калиты и московским “фрязинам”. М.Н. Тихомиров полагал, что итальянцы сами ездили на Печеру (Тихомиров 1957: 130), что представляется вполне вероятным (см. Приложение).

Вообще-то, среди природных богатств Печеры присутствовали еще и дорогие меха, в первую очередь соболь, о чем было хорошо известно в Европе. “В мехах [соболей. А.Л.] существуют большие различия [...]. Стоимость их возрастает [...] оттого, что они пойманы в надлежащее время. По сую сторону Устюга [...] и Двины [...] они попадают весьма редко, а около Печоры [...] гораздо чаще и притом гораздо лучше” (Герберштейн 1988: 127–128), и “собольи меха [...] доставляются [в Москву. А.Л.] жителями Печоры” (Павел Йовий 1997: 286–270). Однако сведения эти относятся ко времени, когда Печера в составе Двинской земли вошла во владения Москвы, во всех же грамотах великих князей и Новгорода о промысловой деятельности великокняжеских “ватаг” на Печере времени новгородской самостоятельности о добыче ими пушного зверя документы не сообщают.

Как были оформлены в XIV в. отношения итальянских предпринимателей и московских князей? Грамота Дмитрия Донского Андрею Фрязину сообщает, что дядя “грамотчика”, Матвей, тоже занимался промысловой деятельностью на Печере, но неясно, получал ли он, как его племянник, такие же грамоты от трех предшественников Дмитрия Донского на великом княжении – деда, Калиты, дяди, Семена Ивановича Гордого и отца, Ивана Ивановича Красного.

В делопроизводственной практике русского средневековья нормой было документальное подтверждение прав “грамотчика” выдачей нового документа каждым сменявшим один другого в столице князем¹⁰. Наш ничего не говорит о выдаче грамот

⁹ Известен единственный случай попытки вывоза из Новгорода на продажу в Западную Европу соколов, причем предпринятой, что характерно, не купцом немецкой Ганзы, а итальянцем из Ломбардии, прибывшим в город в 1402 г. (Хорошкевич 1963: 159).

¹⁰ Ср., например, жалованную грамоту 1399 г. митрополита Киприана архимандриту Рождественского монастыря во Владимире на с. Вельское, в которой перечисляются “старые грамоты” монастырю на село двух великих князей из московского дома, Юрия и Ивана Даниловичей, двух из тверского, Дмитрия и Александра Михайловичей, их брата, тверского князя Юрия Михайловича и великих князей Дмитрия Ивановича Донского и Василия Дмитриевича (АСЭИ III: 117). Жалованная грамота 1435 г. великого князя Василия Васильевича на вотчину М.Я. Русалке Морозову была дана владельцу по грамотам “прапрадѣда своего [...] и [...] стрыя своего [...] и [...] прадѣда своего [...] и [...] дѣда своего [...] и [...] отца своего”, т.е. четырех великих князей, правивших до Василия Темного (АСЭИ I: 93–94). С.Б. Веселовский подчер-

на Печеру до великого княжения Дмитрия Ивановича, но подчеркивает “старину”, некую традицию деятельности “фрязинов” на Печере, соблюдавшуюся великими князьями не одно десятилетие. При этом в грамоте Андрею Фрязину содержится определенное указание на то, что промысловой деятельностью и он, и его дядя занимались при прямом финансовом участии московских суверенов: “грамотчик” получает “въ Перми [...] подводы; так был(о) и досель”.

Путь из Москвы на Печеру, на самом деле проходивший через Пермь, описан в русском *Дорожнике*, переведенном на латынь и включенном Сигизмундом Герберштейном в его Записки о Московии (Герберштейн 1988: 156, 332-333, прим. 523). В Перми, в XIV в. крайнем северном владении Москвы в Приуралье с “вполне сложившимся [...] порядком административного управления” (Дмитриев 1892: 73), уже при Калите существовала ямская повинность местного населения в виде снабжения подводами, но не всех желающих, а “лишь для дел князя и управления” (Гурлянд 1900: 26, 28). Согласно Судебнику 1497 г. одна подвода для поездки из Москвы в Холмогоры, центр Двинского края, в который, повторимся, входила Печера, обходилась великокняжеской казне в “8 рублей московскаа” (Греков 2015: 23), т.е. около полутора килограммов серебра в весовом эквиваленте (Лаврентьев 2021: 209).

Отправка на Печеру “ватаг” Матвея и Андрея Фрязинов и вывоз их и добытых ими товаров в Москву стоил немалых средств, и расходы на транспортировку, согласно грамоте, несколько десятилетий брали на себя великие князья. Московские суверены явным образом были не только заинтересованы в деятельности итальянцев на Печере, но и участвовали в ней материально.

Возвращаясь к грамоте великого князя Дмитрия Ивановича Андрею Фрязину, отметим, что о нем ничего не известно кроме имени. Но в новгородском летописании упоминается некто Андрей Албердов, судя по форме отчества, образованной от имени Альберт и в русском именовании отсутствующего, иностранец, служивший Москве.

В 1397 г. “посла князь великийи Василии Дмитриевич за Волокъ на Двину бояръ своихъ, Андрѣя Албердова съ другы ко всеи Двинской слободѣ” с целью уговорить двинян, чтобы они “заделѣся за князь великийи, а от Новагорода бы есте отнялѣся” (НІЛ: 389). В следующем году “князя вѣликого бояринѣ Андрѣй” упоминается уже как один из руководителей военных действий москвичей против новгородцев (НІЛ: 391), завершившихся кратковременной коммандацией Двины (Янин 1982: 206, 210 - 211) и назначением сюда, столь же кратковременным, московского наместника, князя Федора Александровича Ростовского (НІЛ: 391).

Новгородский летописец титулует Андрея Албердова боярином, коим он очевидным образом быть не мог. Персональный состав московского боярства в основном сложился еще до великого княжения Дмитрия Донского (Веселовский 1969:

кивал, что текст документа “нельзя понимать иначе как в том смысле, что Михаил Яковлевич [Русалка Морозов, А.Л.] получил такую же грамоту, какую получали его предки, начиная с княжения Ивана Калиты” (Веселовский 1969: 197).

490-491, 494, 496; Веселовский 2008: 105-107, 123-127). При этом в числе бояр его сына, великого князя Василия Дмитриевича, носителей имени Андрей нет вообще (Веселовский 1969: 141), и включение Андрея Албердова в число московских бояр на основании единственного летописного упоминания – очевидная ошибка (Корзинин 2016: 352). Кроме того, боярские отчества всегда писались с “вичем” в окончании, почетной формой именованья аристократии.

Кажется, можно предполагать, что летописный Андрей Албердов одно лицо с Андреем Фрязином грамоты Дмитрия Донского, племянник первого “пожалованного” Печерой итальянца, Матвея Фрязина и, надо думать, сын брата последнего, Альберто.

Регион, в котором действовал Андрей Албердов, Двина, если он на самом деле Андрей Фрязин, был ему хорошо известен. Для нас особенно любопытно, что в летописном рассказе о событиях 1397 – 1398 гг. его имя стоит первым среди “другы”, посланных из Москвы для захвата Двины.

Вообще “семейный” интерес “московских фрязинов” XIV в. к Русскому Северу, возможно, имел долгую историю и не завершился переходом Андрея Фрязина – Андрея Албердова на службу московским суверенам.

Столетие спустя, после присоединения Новгорода к Москве великокняжеским администратором – “волоостелем” одной из земель на Двине значится Власий Фрязинов (ГВНП: 143; АСЭИ III: 33), возможно, перешедший в православие потомок Матвея и Андрея Фрязинов (Янин 1982: 212). В 1529 г. он имел пожни в Вологодском уезде, под залог которых составил заемную кабалу; из документа узнаем отчество Власия Фрязинова, вполне православное, Никитин, и наличие у него брата Константина (АЮ: 261-262). Редкие, но, тем не менее, имеющиеся примеры интеграции итальянцев в российское общество хорошо известны¹¹.

Из какого региона Италии происходили Андрей и Матвей Фрязины или, точнее, с каким они могли быть связаны торговыми интересами? Как кажется, на этот счет можно высказать одно предположение.

Около времени пожалования “грамотчика” Печерой, в великое княжение Дмитрия Ивановича, в Москве в 1357 г. впервые упоминаются “гости-сурожане”, купцы, торговавшие на Руси через располагавшуюся в Крыму генуэзскую колонию Солдайдя, в русских источниках Сурож.

О национальном составе “гостей-сурожан” мнения исследователей противоречивы. В.Е. Сыроечковский полагал, что “сурожанами” в Москве называли не только итальянцев, но и греков, и русских, связанных торговыми операциями с Суροжем (Сыроечковский 1935: 17, 23-28), М.Н. Тихомиров считал их главным образом русски-

¹¹ В 1492 г. в Москве итальянский монах-католик “каплан Иван Спаситель Фрязин” отречься от сана, принял православие, женился и был пожалован великим князем Иваном III селом (Тихомиров 1957: 242). Потомки “каплана”, дворяне Спасителиевы, жили в России еще в конце XVIII в. (Антонов 1996: 301).

ми, хотя допускал и присутствие среди “сурожан” итальянцев (Тихомиров 1957: 150), В.Б. Перхавко видел в “сурожанах” греков и итальянцев, перебивавшихся из Крыма в Москву (Перхавко 1993: 150-151), Л.С. Хачикян, анализируя имена “гостей-сурожан”, пришел к выводу, что они принадлежат армянам (Хачикян 1982: 343-349), и т.п.

Не вдаваясь в вопрос о национальном составе торговой корпорации “гостей-сурожан”, нельзя не обратить внимание на мнение М.Н. Тихомирова, заметившего, исходя из генуэзской принадлежности Сурожа - Солдайи, что “московские торговые круги в основном были связаны не вообще с итальянцами, а именно с генуэзцами” (Тихомиров 1957: 128-129). Но Андрей и Матвей грамоты Дмитрия Донского определяются в ней не как “сурожане”, а как “фрязины”, и, надо понимать, дядя и племянник с генуэзскими торговыми городами Крыма связаны не были.

Н.М. Карамзин, мнение которого, повторимся, в историографии осталось незамеченным, связывал Андрея Фрязина либо с крымскими, либо с азовскими генуэзцам. Если суждение “историографа” о том, что “Генуэзцы всегда именуется в наших летописях Фрягами” (Карамзин 1993: 234, прим. 61) очевидное преувеличение¹², то его замечание о возможной связи Андрея и Матвея Фрязинов с Азовом может иметь смысл. Вторым после Солдайи, Кафы и прочих городов Крыма центром итальянской торговли в Восточной Европе была Тана в устье Дона при впадении реки в Азовское море, но держали ее не генуэзцы, а венецианцы.

Тане, с 20-х гг. XIV в. находившейся под контролем Венеции, “было суждено стать одним из магистральных перекрестков путей с Запада на Восток, с Севера на Юг и обратно, а потому история этого, казалось бы, небольшого поселения играет первостепенную роль в мировой истории” (Карпов 2021: 5; см. также: *Pubblici* 2021: 91-95). Заметим, что Матвей Фрязин появился в Москве в великое княжение Ивана Даниловича Калиты, по времени совпавшее с превращением Таны в венецианскую факторию, но не обязательно был венецианцем сам. Уроженцы Венеции доминировали в составе населения города, но в Тане проживали и генуэзцы, и флорентийцы, и торговцы из Лукки, Болоньи, и т.д. (*Pubblici* 2021: 95-96, 99).

М.Н. Тихомиров полагал, что итальянцы грамоты Дмитрия Донского появились в Москве “при посредстве Донского пути [...] длинной морской и речной дороги из Константинополя на Русь” (Тихомиров 1957: 211), поворотным пунктом которой была расположенная в устье Дона венецианская Тана.

В отличие от торговых контактов Таны с Востоком, ее коммерческие связи с землями Руси в XIV в. источниками не прослеживаются (Еманов 1995: 18-19; *Pubblici* 2021: 90). В 1475 г. город был захвачен турками и вошел под новым названием, Азов, в состав Османской Порты как ее самое дальнее северо-восточное владение, и рус-

¹² Фрязинами летописи именуют всех итальянцев – строителей Московского Кремля XV в., и уроженцев Пьемонта Алевиза Фрязина и Пьетро Антонио Солари (Петр Антоний Фрязин, Петр Фрязин), и жителя Виченцы Антона Фрязина, и венецианца Бона Фрязина [Бондаренко 2007: 77, 105, 145, 531].

ские купцы систематически торговали в бывшей итальянской Тане, теперь турецком Азове (Фехнер 1956: 6-7, 11-13), что явным образом должно было иметь место и в предыдущем столетии.

Среди товаров, предлагавшихся в XIV в. к реализации на рынке Таны, ни “рыбьего зуба”, ни ловчих птиц нет (Карпов 2021: 245-279) – судя по всему, северные “трофеи” Матвея и Андрея Фрязинов уходили по Донскому пути через Черное море непосредственно в Италию. Но, коль скоро великие князья участвовали финансово в экспедициях на Печеру, очевидным образом должен был существовать и встречный поток товаров, из Италии в Москву, причем предметов столь же экзотических как ловчие птицы и моржовая кость и вряд ли относившихся к товарам массового спроса. Укажем на один возможный, ртуть.

Металл был необходим для золочения серебряных и медных изделий посредством амальгамы, сплава золота с ртутью (Рыбаков 2015: 295-296), но на Руси не добывался. Масштабы потребности в ртути в ювелирном деле Руси отследить нереально, но у великих князей они могли быть как разовыми, причем на большой объем металла, так и на более скромный, но перманентно необходимый.

Пример первого – масштабные работы весны–начала осени 1340 г., когда московские мастера изготовили новое покрытие для пяти куполов Успенского собора Владимира-на-Клязьме, позолотив несколько сотен пудов медного листа. Финансировал первое на Руси после монгольского нашествия создание храмовых “золотых верхов” великий князь Семен Иванович (Лаврентьев 2018: 179-200), в правление которого, согласно грамоте Андрею Фрязину, в Москве уже жил его дядя, Матвей Фрязин.

Пример второго – нужды великокняжеской канцелярии, несравнимо более скромные, но постоянные. В 1843 г. в Кремле был случайно обнаружен “медный [...] сосуд с пергаменными и бумажными свертками [...] и глиняная фляга, в которой оказалось небольшое количество ртути” (Бередников 1845: 50, 57).

“Свертки” – документы времени великого княжения Дмитрия Донского, и к одной из найденных в медном сосуде грамот была привешена серебряная позолоченная великокняжеская печать, аргировул (Бередников 1845: 53) – такими обычно скреплялись наиболее важные документы великокняжеской канцелярии. Наличие в медном сосуде рядом с документами “фляги” с ртутью указывает на использование металла для золочения привесных печатей.

Никаких документальных известий о ввозе ртути на русские земли через Новгород нет (Хорошкевич 1963: 319), но металл известен как итальянский импорт (Еманов 1990: 34; Карпов 2021: 250), причем местом торговли им была венецианская Тана в устье Дона: “привозят на продажу в Тану из краев запада [...] ртуть” (Хаутала 2019: 833).

И, наконец, последнее. По духовной грамоте отца (ок. 1339 г.) младший сын Ивана Даниловича Калиты, князь Андрей Иванович, получил в наследство “поѣхъсь золоть фразьский с женч[югомъ съ камениемъ]” (ДДГ: 8-9). Иных итальянских изделий не имелось ни в казне самого Калиты, ни его наследников. Памятуя особое

положение дяди Андрея Фрязина, Матвея, в Москве, мы можем предположить связь появления в великокняжеской казне драгоценного итальянского пояса с деятельностью “фрязина” на Печере.

Приложение: Суконник Адам – еще один московский “фрязин” XIV в.?

Андрей и Матвей Фрязины, возможно, были не единственными коммерсантами – итальянцами, жившими в XIV в. в Москве. В летописном повествовании о взятии города в 1382 г. армией ордынского хана Тохтамыша, драматично описывающем отчаянное сопротивление, оказанное “гражданами” татарам, упоминается имя одного из защитников столицы, Адама. “Единь [...] нѣкто Москвитин суконьникъ”, Адам, находясь с прочими москвичами на стенах Кремля, “примѣти единаго татарина нарочита [...] иже бѣ сыномъ нѣкотороу князя Ординьскоу и, напявъ самострѣль, и испусти стрѣлу [...] на него и [...] уязви его в сердце и [...] смерть ему нанесе” (ПСРА XXV: 208). Вот, собственно, все, что известно об этом человеке.

М.Н. Тихомиров отнес Адама к купеческому сословию и определил его как торговца западноевропейскими сукнами (Тихомиров 1947: 131; Тихомиров 1957: 97); московские “суконники” как одна из категорий населения Москвы упоминаются в духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича Донского 1389 г. (ДДГ: 32). Так что с профессиональными занятиями защитника Москвы сомнений не возникает.

Второе суждение исследователя, о русском происхождении Адама, “которого напрасно хотели сделать иноземцем за его несколько необычное русское имя” (Тихомиров 1947: 131; Тихомиров 1957: 97)¹³, представляется, наоборот, ошибочным. Адам – имя на Руси не то чтобы необычное, но в русском именослове вообще не встречающееся по причине отсутствия его в православных святцах.

Единственный Адам, известный в России – статс-секретарь императрицы Екатерины II граф Адам Васильевич Олсуфьев (1721-1784 гг.) (Алексеевский 1905: 232), но его имя скорее надо считать прозвищем. Вот как объясняет его появление у отца сын екатерининского вельможи, граф Д.А. Олсуфьев:

Отец мой родился в 1721 году [...] от второго брака моего деда, который... женился на... шведке, которую звали Евою [...]. Дед [...] просил императора быть приемником сына [...]. Когда он [Петр I. А.Л.] приехал, он прежде всего спросил, какое имя дали ребенку при молитве (ибо [...] известно, что [...] когда родится ребенок, священник тотчас при молитве дает ему имя), ему ответили, что назвали его Василием. “Нет”, – возразил император, – “не хочу этого имени, Ева произошла от Адама; хочу, чтобы и от Евы произошел Адам”, и его назвали Адамом Васильевичем. Это наименование... показалось тем более странным, что, по нашей вере, Адам не причислен к лику святых (КБ: 1341).

¹³ Неясно, правда, кому адресован полемический упрек М.Н. Тихомирова.

Возвращаясь к защитнику Москвы 1382 г., констатируем, что он очевидным образом иностранец, торговавший иноземным товаром, сукном. Как кажется, суконник Адам вполне мог быть соотечественником Андрея и Матвея Фрязинов.

Центром торговли европейскими сукнами на Руси был не только тесно связанный с Ганзейским союзом Новгород, главный поставщик сукон в Москву (Хорошкевич 1958: 178-207), но и, очевидно, итальянские торговые города Причерноморья. В генуэзскую Кафу в XIII–XIV вв. для дальнейшего реэкспорта ввозились, как и в Новгород, сукна из Фландрии и Франции, а также собственные, итальянские (Еманов 1989: 17-19), которые доходили и до Москвы.

По духовным грамотам Ивана Даниловича Калиты второй сын великого князя, Иван Иванович, унаследовал от отца “скорлатное портище” (ДДГ: 8, 10), завещав, в свою очередь, своему старшему сыну, Дмитрию Ивановичу, “опашень скорлатень” (ДДГ: 16, 18), очевидно, из этого “портища” сшитый¹⁴. Скорлат – алая шерстяная ткань стоимостью едва ли не в два раза дороже прочих импортных сукон (Хорошкевич 1963: 180), и производилась она в Ломбардии (Милан)¹⁵.

Разумеется, нельзя исключать того, что отрез дорогого итальянского сукна попал в Москву через новгородских купцов, однако на рынке Новгорода XIV–XV вв. ганзейские торговцы предлагали к продаже исключительно фламандские, голландские, немецкие и английские сукна (Хорошкевич 1963: 179-180, 192-195, 197-198).

Возвращаясь к личности суконника Адама, отметим, что “самострел” – арбалет, с которым он вышел на кремлевскую стену для защиты города, явным образом был привезен в Москву его владельцем, а не изготовлен на месте; упоминания в русских летописях “самострелов” говорят о них как о вооружении противника¹⁶.

Летописный рассказ об осаде Москвы армией Тохтамыша подчеркивает безусловное, что неудивительно, превосходство нападающих над москвичами в военных навыках:

Татарове [...] поидоша ко городу, гражане же пустиша на них по стрѣль, они же паче своими стрѣлами стреляху на град, акы дождь умножень зѣло, не дадуще не прозрѣти. И мнози стоящеи на градныхъ забралахъ от стрѣльбы падаху язвени, одолѣваху бо стрѣлы Татарские паче, нежели градские. Бяхуть бо у нихъ стрѣльцы гораздо велми [...] скоро и улучно без прогрѣхы стреляху (ПСРЛ XXV: 208).

¹⁴ Портище – кусок ткани объема, необходимого для пошива верхней одежды (СЛРЯ XVII: 130-131).

¹⁵ Убедительные аргументы в пользу итальянского происхождения скорлата см: (Еманов 1990: 34). А.Л. Хорошкевич полагала, что ткань, как и прочие европейские сукна, попадавшие на русский рынок, производилась во Фландрии (Хорошкевич 1963: 181).

¹⁶ “Наутрѣя же выѣхаша нѣмцѣ со самострѣлы и ѣхаша на нѣ русъ” (ПСРЛ 2: 818, 1252 г.); “вороначани [...] погнаша въ слѣдъ Немець [...] и оудариша на них и [...] кони и снасти [...] отѣяша, а самострѣловъ немецкихъ отѣяша много” (ПСРЛ V/I: 116-117, 1408-1409 гг.).

Едва ли не профессиональное владение арбалетом суконника Адама, с первого же выстрела поразившего знатного ордынца, определив цель по одежде и вооружению, заметно выделяет его из числа прочих “москвитин”.

Рассказ о погроме татарами хана Тохтамыша Москвы упоминает среди его жертв отдельно “сурожан” и отдельно “суконников” (ПСРА XXV: 209). Адам, надо думать, не принадлежал к первым, связанным торговыми операциями с генуэзским Сурожем-Солдайей в Крыму, и совсем не обязательно торговал сукнами, попадавшими в Москву через Новгород (Ср.: Перхавко 2012: 101). Мы можем осторожно предположить, что он мог быть итальянцем, торговавшим шерстяными тканями, доставлявшимися в Москву не из Новгорода, а из крымской Кафы, в том числе итальянскими, и искусное владение им арбалетом было далеко не случайностью.

Известно, что коммунальные власти Генуи снабжали за счет городской казны арбалетами сограждан крымской Кафы. Арбалеты были штатным вооружением городских чинов, обеспечивавших постоянную охрану пяти ворот крепости, по два-три человека на каждые (Еманов 2022: 343-344). Но в 1313-1316 гг. Кафа, например, получила от Генуи арбалеты в количестве, на много превосходящем число защитников ворот, 72, столько же арбалетных крюков (*crochi*) и колчанов, а также 20-25 тысяч арбалетных стрел (Хаутала 2019: 777, 791)¹⁷. Возможно, они предназначались и для какой-то части населения города, тех же купцов, в случае опасности с арбалетами выходивших на стены города.

Дальнейшая судьба купца - владельца арбалета не известна. Скорее всего, Адам либо погиб при штурме и погроме Москвы, либо был уведен ордынцами в плен¹⁸.

Внезапное нападение татар случилось в конце лета 1382 г. – трехдневная осада белокаменного кремля завершилась его взятием 26 августа (Горский 2000: 103). Андрей Фрязин, скорее всего, находился в это летнее время вдалеке от Москвы, занятый добычей “рыбьего зуба” и охотничьих птиц на пожалованной ему великим князем Печере и счастливо избежал участи суконника Адама.

¹⁷ “*Crochi*” итальянского оригинала документа публикатор перевел как “кроки”, что, если это не опечатка в тексте, в современном русском языке означает “наброски рисунков, чертежи” (Евгеньева 1983: 133). В оригинале речь явным образом идет о “*crocco*”, арбалетных крюках, приспособлениях для натягивания тетивы. Ср. итальянские названия типов арбалетов: “*balestra a crocco a gancio*”, “*balestra a crocco e staffa*” (Bagatti 1930).

¹⁸ “От уна и до стара, мужескъ поль и женескъ, всѣ иссечены быша, а инии в водѣ истопоша, друзии же огнемъ изгорѣша, множайши же в полонѣ поведени быша, в работу поганьскую и въ страну Татарьскую” (ПСРА XXV: 209).

Сокращения и источники

- ААЭ I: *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук*, I, Санкт-Петербург 1836.
- АСЭИ I: Л.В. Черепнин (отв. ред.), И.А. Голубцов (сост.), *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV-начала XVI в.*, I, Москва 1952.
- АСЭИ III: Л.В. Черепнин (отв. ред.), И.А. Голубцов (сост.), *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV-начала XVI в.*, III, Москва 1964.
- АЮ: *Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, изданные Археографической комиссией*, Санкт-Петербург 1838.
- БЛДР XII: Ю.А. Грибов (подгот. текста), *Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископом в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием*, в: Д.С. Лихачев и др. (ред.), *Библиотека литературы Древней Руси*, XII, Санкт-Петербург 2003, с. 144-231.
- ГВНП: С.Н. Валк (ред.), *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, Москва-Ленинград 1949.
- ДДГ: Л.В. Черепнин (подгот. к печати), *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв.*, Москва-Ленинград 1950.
- КБ: *Краткая биография статс-секретаря Екатерины II Адама Васильевича Олсуфьева. Извлечение из письма Дмитрия Адамовича Олсуфьева к господину Спаде*, "Русский архив", VII, 1870, стб. 1341-1343.
- Н1Л: А.Н. Насонов (ред. и предисл.), *Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва-Ленинград 1950.
- ПСРА I: *Полное собрание русских летописей*, I (*Лаврентьевская летопись*), Москва 1997.
- ПСРА II: *Полное собрание русских летописей*, II (*Ипатьевская летопись*), Москва 1998.
- ПСРА V: *Полное собрание русских летописей*, V/1 (*Псковские летописи*, 1), Москва 2000.
- ПСРА XV: *Полное собрание русских летописей*, XV (*Рогожский летописец, Тверской сборник*), Москва 2000.
- ПСРА XXV: *Полное собрание русских летописей*, XXV (*Московский летописный свод конца XV в.*), Москва 1949.

- СЛРЯ IV: С.Г. Бархударов (гл. ред.), *Словарь русского языка XI-XVII вв.*, IV, Москва 1977.
- СЛРЯ XVII: Г.А. Богатова (гл. ред.), *Словарь русского языка XI-XVII вв.*, XVII, Москва 1991.
- СЛРЯ XIX: Г.А. Богатова (гл. ред.), *Словарь русского языка XI-XVII вв.*, XIX, Москва 1992.

Литература

- Алексеевский 1905: Б. Алексеевский, *Олсуфьев, граф, Адам Васильевич*, в: А.А. Половцов (изд.), *Русский биографический словарь*, XIII, Санкт-Петербург 1905, с. 232-235.
- Антонов 1996: А.В. Антонов, *Родословные росписи конца XVII в.*, Москва 1996.
- Антонов 1998: А.В. Антонов, *Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV-середины XVI века*, в: А.В. Антонов (отв. ред.), *Русский дипломатарий*, III, Москва 1998, с. 91-155.
- Бередииков 1845: *Записка об открытых в Московском Кремле древностях, представленная Второму отделению Академии наук адъюнктом Я.И. Бередииковым*, в: *Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Academie Impériale des sciences de Saint-Petersbourg*, 1845, 2(4, 5), стб. 49-60.
- Бондаренко 2007: И.А. Бондаренко (отв. ред.), *Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV-XVIII века*, Москва 2007.
- Будовниц 1969: И.У. Будовниц, *Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века*, Москва 1962.
- Веселовский 1947: С.Б. Веселовский, *Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси*, I, Москва-Ленинград 1947.
- Веселовский 1969: С.Б. Веселовский, *Очерки истории класса служилых землевладельцев*, Москва 1969.
- Веселовский 2008: С.Б. Веселовский, *Московское государство XV-XVII вв. Из научного наследия*, Москва 2008.
- Герберштейн 1988: С. Герберштейн, *Записки о Московии*, Москва 1988.
- Горский 2000: А.А. Горский, *Москва и Орда*, Москва 2000.
- Греков 2015: Б.Д. Греков (общ. ред.), *Судебники XV-XVI веков*, Санкт-Петербург 2015.
- Гурлянд 1900: И.Я. Гурлянд, *Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века*, Ярославль 1900.

- Дмитриев 1892: А.А. Дмитриев, *О границах древней Перми Великой*, “Труды Пермской ученой архивной комиссии”, 1, 1892, с. 63-74.
- Евгеньева 1983: А.П. Евгеньева (ред.), *Словарь русского языка: в 4-х т.*, II, Москва 1983.
- Еманов 1989: А.Г. Еманов, *Развитие торговых связей Кафы в XIII-XV веках*, в: Г.А. Федоров-Давыдов (отв. ред.), *Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках*, Ростов-на-Дону 1989, с. 17-19.
- Еманов 1990: А.Г. Еманов, *Итало-русские экономические связи в XIII-XV в.*, в: *Общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Сборник научных трудов*, Тюмень 1990, с. 33-44.
- Еманов 1995: А.Г. Еманов, *Север и юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII-XV вв.*, Тюмень 1995.
- Еманов 2018: А.Г. Еманов, *Между Полярной звездой и полуденным солнцем. Кафа в мировой торговле XIII-XV веков*, Санкт-Петербург 2018.
- Еманов 2022: А.Г. Еманов, *Небесный Иерусалим или Вавилон. Выбор судьбы средневековой Кафы/Феодосии*, Санкт-Петербург 2022.
- Зонова 2000: О.В. Зонова, *Первая встреча двух культур*, в: Н.П. Комолова (отв. ред.), *Россия и Италия*, IV, Москва 2000, с. 13-53.
- Карамзин 1993: Н.М. Карамзин, *История государства Российского*, III, Москва 1993.
- Карпов 2021: С.П. Карпов, *История Таны (Азова) в XIII-XV вв.*, I, Санкт-Петербург 2021.
- Козляков 2001: В.Н. Козляков, *Две кормленные грамоты XV века*, в: А.В. Антонов (отв. ред.), *Русский дипломатарий*, VII, Москва 2001, с. 13-18.
- Корзинин 2016: А.Л. Корзинин, *Государев двор Русского государства в доопричный период, 1550-1565 гг.*, Москва–Санкт-Петербург 2016.
- Кочин 1937: Г.Е. Кочин, *Материалы для терминологического словаря Древней Руси*, Москва-Ленинград 1937.
- Лаврентьев 2018: А.В. Лаврентьев, *Гроза во Владимире 13 июля 1340 г. и кровельные работы в Успенском соборе*, в: “Вертоград многоцветный”. Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори, Москва 2018, с. 179-200.
- Лаврентьев 2021: А.В. Лаврентьев, “Дюденева рать” и медные полы храмов Владимирской земли (к истории русско-ордынских отношений в XIII в.), “ШАГИ / STEPS. Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований”, VII, 2021, 3, с. 200-218.
- Лурье и др. 1986: Я.С. Лурье, Л.С. Семенов (подгот. изд.), *Хождение за три моря Афанасия Никитина*, Ленинград 1986.

- Матасова 2012: Т.А. Матасова, *Европейский Север и Северо-Восток в представлениях русских и итальянцев в XIV-начале XVI в.*, в: А.А. Горский (отв. ред.), *Средневековая Русь*, X, Москва 2012, с. 332-367.
- Мацук и др. 2016: А.М. Мацук, М.А. Мацук, *Река Печора в человеческой истории: XVI-XVII века*, "Известия Коми республиканского отделения Русского географического общества", XVII, 2016, 1, с. 4-16.
- Мельник 2007: А.Г. Мельник, *Итальянский архитектор Степан Фрязин и строительство Волосова монастыря*, в: *ΕΙΚΩΝ ΚΑΙ ΤΕΧΝΗ. Церковное искусство и реставрация памятников истории и культуры. Памяти А.Г. Жолондзя*, Москва 2007, с. 155-158.
- Мурыгин 1992: А.М. Мурыгин, *Печорское Приуралье: эпоха Средневековья*, Москва 1992.
- Павел Йовий 1997: *Павла Йовия Новокомского книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII*, в: О.Ф. Кудрявцев (сост.), *Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы*, Москва 1997, с. 255-289.
- Павлидис и др. 2007: Ю.А. Павлидис, С.Л. Никифоров, С.А. Огородов, Г.А. Тарасов, *Печорское море: прошлое, настоящее, будущее*, "Океанология", XLVII, 2007, 6, с. 927-939.
- Пашкова 2000: Т.И. Пашкова, *Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели*, Москва 2000.
- Перхавко 1993: В.Б. Перхавко, *Гости-сурожане*, "Вопросы истории", 1993, 6, с. 149-153.
- Перхавко 2012: В.Б. Перхавко, *Средневековое русское купечество*, Москва 2012.
- Петрухин и др. 1998: В.Я. Петрухин, Д.С. Раевский, *Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье*, Москва 1998.
- Платонов 1994: С.Ф. Платонов, *Прошлое Русского Севера*, в: Он же, *Сочинения в 2-х томах*, II, Санкт-Петербург 1994, с. 315-380.
- Подъяпольский 1986: С.С. Подъяпольский, *Деятельность итальянских мастеров на Руси и в других странах Европы в конце XV-начале XVI века*, в: *Советское искусствознание*, Москва 1986, с. 62-91.
- Подъяпольский 1991: С.С. Подъяпольский, *Итальянские строительные мастера в России в конце XV-начале XVI в. по данным письменных источников*, в: А.Л. Баталов, И.А. Бондаренко (отв. ред.), *Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования*, Москва 1991, с. 221-231.
- Подъяпольский 2000: С.С. Подъяпольский, *Итальянские мастера в России XV-XVI веков*, в: *Россия и Италия*, IV, Москва 2000, с. 28-52.

- Подъяпольский 2003: С.С. Подъяпольский, *Архитекторы итальянского Возрождения в России*, в: И.А. Бондаренко (ред.), *Архитектурное наследство*, XLV, Москва 2003, с. 30-41.
- Рыбаков 2015: Б.А. Рыбаков, *Ремесло Древней Руси*, Москва 2015.
- Смирнова 1996: Л.И. Смирнова, *Новгородские гребни из моржового клыка*, в: *Новгород и Новгородская земля: история и археология (Материалы научной конференции, Новгород, 23-25 января 1996 г.)*, X, Новгород 1996, с. 70-77.
- Соловьев 1989: С.М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, IV, Москва 1989.
- Сыроечковский 1935: В.С. Сыроечковский, *Гости-сурожане*, Москва-Ленинград 1935 (= "Известия Государственной Академии истории материальной культуры им. Н.Я. Марра", 127).
- Тихомиров 1947: М.Н. Тихомиров, *Древняя Москва*, Москва 1947.
- Тихомиров 1957: М.Н. Тихомиров, *Средневековая Москва в XIV-XV века*, Москва 1957.
- Федоров и др. 2011: В.М. Федоров, Т.С. Матехина, Д.О. Осипов, *К истории соколиной охоты в Новгородской земле*, "Записки Института истории материальной культуры РАН", 2011, 6, с. 199-211.
- Фехнер 1956: М.В. Фехнер, *Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в.*, Москва 1956 (=Труды Государственного Исторического музея, 31).
- Флоря 1970: Б.Н. Флоря, *Кормленные грамоты XV-XVI вв. как исторический источник*, "Археографический ежегодник за 1970 г.", 1971, с. 109-126.
- Хаутала 2019: Р. Хаутала, *В землях "Северной Тартарии". Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313-1341)*, Казань 2019.
- Хачикян 1982: Л.С. Хачикян, *"Гости-сурожане" в русских летописях и Сказаниях о Мамаевом побоище (к вопросу об их национальной принадлежности)*, в: Д.С. Лихачев (ред.), *Русская и армянская средневековая литература*, Ленинград 1982, с. 343-349.
- Хорошкевич 1958: А.Л. Хорошкевич, *Торговля иностранными тканями в Новгороде XIV-XVI вв.*, "Исторические записки", 1958, 63, с. 178-207.
- Хорошкевич 1963: А.Л. Хорошкевич, *Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV-XV веках*, Москва 1963.
- Щекатов 1805: А. Щекатов, *Словарь географический Российского государства...* IV/1, Москва 1805.
- Янин 1982: В.Л. Янин, *Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50-х-70-х гг. XV в.*, "Исторические записки", 1982, 108, с. 189-214.

- Bagatti 1930: M. Bagatti, *Balestra*, в: *Enciclopedia Italiana*, Roma 1930, <treccanti.it/encyclopedia/balestra(Enciclopedia-Italiana)/> (последнее обращение: 20.04.2023).
- Kivimäe 1996: J. Kivimäe, *Petr Frjazin or Peter Hannibal? An Italian Architect in Late Medieval Russia and Livonia*, “Forschungen zur osteuropäische Geschichte”, LII, 1996, с. 22-28.
- Pubblici 2021: L. Pubblici, *Western Immigration in the Fourteen – Century Golden Horde: The Case of Tana* “Золотоордынское обозрение”, IX, 2021, 1, с. 90-107.

Abstract

Alexander Vladimirovich Lavrentyev
Andrej and Matvej Frjazin: the First Italians in Moscow

The arrival of Italian architects and masters of art and other skills in the Grand Duchy of Moscow in the second half of the 15th century, and the businesses of the “Frjazins” in Moscow and other cities, make up a bright page in the history of Italian-Russian relations. However, it is not common knowledge that the first Italians came to Moscow a century earlier. Between 1363 and 1389, the Grand Duke Dmitrij Ivanovič gave a charter for hunting to a certain Andrej Frjazin. According to the charter, Andrej Frjazin’s predecessor was his uncle, Matvej Frjazin, who arrived in Moscow during the great reign of Dmitrij Ivanovič’s grandfather, Ivan Danilovič Kalita, between 1328/1331 and 1340. The businesses of the uncle and nephew in the Arctic North region were encouraged by the grand dukes of Moscow and carried out with their financial participation. Apparently, Matvej and Andrej Frjazin had trading relations with the Venetian trading post Tana, and they were likely not the only Italian merchants in Moscow in the 14th century. Among the citizens who defended Moscow from the attack of the Tatar troops in the summer of 1382, Russian chronicles mention a certain cloth merchant, Adam, who was most likely an Italian, and who could have had some trading relations with the Genoese colony of Kafa in the Crimea.

Keywords

Italians in Moscow; Andrej and Matvej Frjazin; Pečora River; Walrus Tusks; Hunting Birds.